

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе

ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,

доктор физико-математических
наук, профессор И. В. Бычков

«13 » января 2021 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

о диссертации В.С. Грузинской «Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.» (Омск, 2020),
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Рецензируемое диссертационное исследование обладает несомненной научной новизной и является актуальным для ряда современных сфер знания: истории науки, науковедения, исторической науки в целом, истории исторической науки и истории историографии. Автор, осознавая актуальность обращения к дисциплинарной истории историографии, по сути, включается в современную дискуссию о ее «новой дисциплинарности», формирующейся в ходе междисциплинарной «перестройки» социо-гуманитарных наук¹.

Характеризуя во *Введении степень изученности темы* (с. 5-19), В.С. Грузинская выделила несколько исследовательских блоков: изучение феномена советской историографии, работы в рамках биографического/генерационного подхода, труды о советском историографическом нарративе. Наиболее важными для реализации замысла диссертации оказались работы, посвященные собственно дисциплинарному развитию историографии, в которых наиболее заметными оказались институциональный и предметно-содержательный аспекты дисциплинаризации.

Автор убедительно формулирует *объект и предмет* исследования; *цель и задачи* полностью раскрывают замысел диссертации, состоящий в реконструкции процесса формирования советской историографии как научной дисциплины во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. в институциональном, предметном, коммуникативном и коммеморативном аспектах. Не вызывают возражений обозначенные диссидентом хронологические рамки исследования.

¹ Замечания и критические ремарки в тексте отзыва выделены обычным курсивом.

Автор основывает исследование на спектре *теоретико-методологических подходов и методов*, включающем идеи институционализма и неоинституционализма, социологии и антропологии науки, теорию научных коммуникаций, метод «case study», а также ряд общенаучных и конкретно-исторических методов.

Репрезентативной выглядит *источниковая база* диссертации, включающая совокупность делопроизводственных документов, в том числе выявленных в многочисленных архивах, источники личного происхождения, историографические источники. Автор попыталась сориентироваться в существующих оценках историографических источников (с. 26-28) и выявить те из них, которые оказались наиболее значимы для решения задач диссертационного исследования – научные труды, учебники и учебные пособия.

В целом вводная часть диссертации носит цельный, продуманный характер, создает представление об авторе диссертации как зрелом исследователе и формирует у читателя соответствующие ожидания при переходе к основной части диссертации. *Вместе с тем нам кажется необходимым отметить ряд аспектов введения, которые, как нам представляется, нуждаются в дополнительной проработке. Автор, на наш взгляд, не сформулировала собственной терминологии в определении дисциплинарной истории. Существующие в историографии подходы к пониманию научной дисциплины и процесса дисциплинаризации (М.Ф. Румянцева, А.Н. Дмитриев, Т.Н. Попова и др.²) требуют от автора более четкого объяснения своей исследовательской позиции.* Выявление автором при формулировке предмета исследования 4-х аспектов изучения процесса дисциплинаризации историографии (с. 19) мы рассматриваем как безусловную новизну исследования, но их обобщение в виде научного понятия значительно усилило бы исследовательский результат и могло стать еще одним положением, выносимым на защиту. Неясно отношение автора к существующим периодизациям становления и развития научных дисциплин, в том числе гуманитарного профиля (см. «Науки о человеке. История дисциплины»), а также, насколько дисциплинарный путь историографии оказывался схож с дисциплинарной историей других наук. Наконец, автор, фокусируя свое внимание на развитии историографии с середины 1940-х гг. до середины 1980-х гг., учитывает общественно-политическое развитие общества в это время, используя вполне традиционные наименования отдельных этапов его развития – «поздний сталинизм», «хрущевская оттепель» и «брежневский застой» (с. 5). *Нам представляется уместным апробировать термин «позднесоветское общество», опираясь на концепцию А. Юрчака о последнем советском поколении, которая постепенно становится важной концептуальной рамкой для понимания истории СССР в послевоенные десятилетия вплоть до периода перестройки.*

² Румянцева М.Ф. Дисциплина исторической науки // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 96; Дмитриев А. Введение. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке. История дисциплин: колл моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 7-38; Попова Т.Н. Дисциплинарные образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. 392 с.

Приступая к изучению поставленных задач, соискатель посчитала необходимым раскрыть особенности состояния историографии в 1920-х–начале 1940-х гг. – в сложный период сосуществования и одновременно конфронтации дореволюционных традиций и начального советского опыта историографических практик. Данная часть диссертации, представленная **первой главой** (с. 41–85), воспринимается в качестве вводного раздела, позволяющего, во-первых, раскрыть смысл и характер состояния историографии как области знаний, сформировавшейся еще в дореволюционный период. Во-вторых, дающего возможность определить особенности и значение последующих изменений в исторической науке в условиях становления нового дисциплинарного опыта – утверждения «советской» историографической культуры.

В соответствии с общим замыслом диссертации автор попыталась лаконично представить всю совокупность предпосылок трансформации статуса историографии как научной области, сложившихся в этот непростой историко-политический период. Соискателем рассмотрены новые тенденции в сфере историографии, имеющие в зародыше исследовательскую, институциональную, коммуникативную и коммеморативную основы.

В данной главе даны аналитические характеристики первых институциональных образований (в частности – РАНИОН с историографическими семинарами) и тогдашних лидеров историографического процесса, представленных в контексте анализа их основных трудов. Актуальна рассмотренная соискателем тема насаждения политической функциональной специфики историографии как дисциплины марксистского типа, ориентированной на борьбу с «учеными-врагами», что будет характеризовать положение историографии и в последующие десятилетия. Подводя итоги, автор вполне аргументировано констатирует, что советская «нarrативная матрица» историографии как дисциплины обусловила представление об историографическом процессе «как поле идеологической битвы между “своими” и “чужими”». Вместе с тем автор тонко замечает, что острота этого противостояния колебалась, будучи зависимой от совокупности и сочетания факторов политической, научной и личностно-персонифицируемой природы (с. 246).

Относительно данной главы автора можно упрекнуть в отсутствии явных сюжетных линий, связанных с выявлением особенностей дисциплинарной организации мировой и российской науки в целом и, в частности, историографии в XIX веке, из которого вышла плеяда действующих в первые десятилетия XX в. историков «старой школы».

Между тем известно, что в XIX в. историография не приобрела четкого **научного** статуса, оставаясь преимущественно университетской **учебной** дисциплиной. Полагаем, что в раннем советском научном опыте XX века еще не осознавалась актуальность начавшегося уже в первые десятилетия этого столетия

дисциплинарного процесса, связанного с выходом науки за пределы университетского (дидактического) пространства³.

Формирование историографии как научной дисциплины основательно представлено соискателем в последующих главах в системе различных ракурсов. Исходя из идеи комплексного и сложносоставного по характеру процесса дисциплинаризации, В.С. Груздинская во **второй главе** диссертации, освещющей временной диапазон 1940-1980-х гг., реализует, прежде всего, **институциональный ракурс**. Здесь рассмотрена деятельность Комиссии по истории исторической науки (с. 86-133) и Научного совета «История исторической науки» (с. 133-156). Несмотря на то, что эти институции уже привлекали внимание историков/историографов (в первом случае – В.В. Тихонова, во втором – К.П. Ярковой), автор осуществила анализ их функций, кадрового состава и конкретной деятельности с позиций собственных целевых задач.

Изучение деятельности Комиссии в послевоенный период 1946-1948 гг. преподносится соискателем на фоне работы Академии наук СССР и ряда новых институциональных структур – прежде всего Института истории естествознания и техники, ставшего проводником инноваций в области истории науки и науковедения. В.С. Груздинская анализирует характер многочисленных начинаний членов Комиссии, апеллировавших к изучению деятельности дореволюционных историков, обращается к их идее создания многотомного издания «Научное наследие».

Историографический тренд работы Комиссии и коммеморативные мотивы, поданные в аналитической картине деятельности значимых фигур историков и историографических по характеру проектов, несомненно, содействовали началу формирования дисциплинарного обриса историографии. Но не поддержанные властными структурами, а потому неосуществленные ее планы дали основание автору назвать это время работы Комиссии «историографической мечтой». Несмотря на метафоричность данной характеристики, в ней обнаруживаются значимые мотивации в деятельности акторов, содействовавших ускорению историографических процессов, которые стали ступенькой к последующим дисциплинарным начинаниям.

Переломным моментом в истории Комиссии автор обозначает 1949-1950 гг., когда все ее силы были сконцентрированы на издании многотомной истории исторической науки (в будущем – «Очерков истории исторической науки в СССР»). Автор, используя, прежде всего, делопроизводственную документацию, дополненную источниками личного происхождения и биографической информацией относительно членов Комиссии и историков-современников, впервые представила впечатляющую картину обсуждения и реализацию планов Комиссии по истории исторической науки.

Коллективные формы подготовки, обсуждения и публикации «Очерков» с 1949 по 1961 гг. дали основание автору диссертации выделять данный

³ См.: Попова Т.Н. Дисциплинарные образы науки: подходы и понятия. С. 92-94; 202-203.

хронологический диапазон в истории историографической Комиссии как «период практической историографии». Несомненно, это был при всей его сложности и неоднозначности современных оценок «Очерков», кумулятивный по характеру и коммуникационный по типу процесс, ставший основой формирования корпорации ученых-историографов. На протяжении всех сюжетных линий этого периода в истории Комиссии автор реализует антропологический подход, концентрируя внимание на деятельности представителей научного корпуса историков, осуществляя персональные характеристики участников научных событий, а в конечном итоге, закладывая сущностные элементы коллективного портрета ученых в контексте изучаемого времени.

Обращаясь к процессу деятельности историографических институций, автор учитывает две несовпадающие их функции – «властную инструментализацию истории отечественной науки» и «внутренние интенции развития науки» (с. 247). Вторая из обозначенных функций могла существовать и развиваться в контексте осознаваемых со стороны формирующегося дисциплинарного сообщества задач и перспектив актуального историографического знания.

Третья глава диссертации, освещая фактически период 1960-х – середины 1980-х гг., занимает особое место в рецензируемой работе – как по своему функциональному значению, так и по объему решаемых автором задач. Как следствие, данная глава не только самая крупная по объему, но и составляет, по нашему мнению, квинтэссенцию диссертационного исследования. Именно в ней рассмотрены в совокупности виды деятельности историков и историографов, порождаемые как основными институциональными структурами, так и инициативами, исходящими из самого формирующегося сообщества специалистов-историографов. Автор подвергает анализу специфику их коммуникаций, обращаясь к такому феномену, как «Историографические среды». Можно утверждать, что В.С. Груздинской впервые с такой тщательностью и глубиной были изучены многообразные разновидности документальных материалов, лежащих в основе истории этой «малой» научной институции, а также результаты ее многолетнего функционирования в виде научных докладов и последующих их публикаций в различных изданиях. «Историографические среды» рассматриваются автором как выражение коммуникативной функции науки, заложившей своего рода фундамент формирования сообщества историографов и – как следствие – напрямую содействовавших становлению историографии как научной дисциплины.

Коммуникативная составляющая процесса дисциплинаризации историографии, по мысли автора, была реализована и при помощи дискуссий. Важнейшей, как подчеркивает В.С. Груздинская, являлась дискуссия о периодизации советской исторической науки, организованной в условиях подготовки упомянутых «Очерков истории исторической науки в СССР».

Дискуссия о периодизации, представленная во 2-ом параграфе третьей главы, а также и сам процесс работы над «Очерками», подробно рассмотренный соискателем во второй главе, несомненно, содействовали коммуникационному

сплочению специалистов-историографов, закладывая алгоритм их формирования в поколенческую перспективу. Этим самым автор на примере истории историографии подчеркнула значимость создания и деятельности научных консолидаций в процессах формирования научно-дисциплинарных феноменов.

Важным маркером дисциплинаризации историографии соискатель вполне обоснованно считает обсуждение актуальных для понимания дисциплинарной специфики вопросов о предмете историографии, чему посвящен 3-ий параграф главы (с. 187-209). Само по себе выдвижение этой проблемы рассматривается в диссертации как совокупный результат функционирования «Историографических сред», работы над «Очерками», организации ряда дискуссий. В результате соискатель раскрывает динамичный процесс и разнообразные формы развития историографического знания, что в свою очередь дополнительно мотивировало научную активность сообщества советских историков.

Детально рассматривая широкую палитру мнений по сложному и в наши времена теоретико-методологическому вопросу, В.С Груздинская существенное внимание уделяет анализу вузовских учебников по историографии, созданных в хронологическом диапазоне изучаемой проблематики. В связи с этим она закономерно обращается к известной полемике относительно структуры университетского курса историографии (с. 195 и далее). Вместе с тем, автор подчеркивает, что данный период в обсуждении проблем историографии проходил на качественно новом витке ее развития, что завершилось выдвижением трех версий понимания предмета историографии как научной дисциплины (с. 194).

Важным компонентом условий и предпосылок, породивших дисциплинарную самоидентификацию историографии, по мнению соискателя, стали коммеморативные по характеру инициативы, связанные с научной «реабилитацией» М.Н. Покровского. Детально проанализированные в диссертации позиции различных историков в отношении к личности Покровского как лидера марксистской историографии и кампании по его реабилитации, открывают малоизвестные факты в этой истории. Автору диссертации этот материал позволил, во-первых, представить персональный состав представителей советской науки 1960-х–начала 1970-х гг., во-вторых – продемонстрировать разделившиеся мнения по поводу характера оценивания взглядов и деятельности Покровского. Соискатель, по сути, раскрывает картину отсутствия гомогенного сообщества историков и историографов, оказавшегося расколотым на уровне идеино-политическом и научно-концептуальном.

В.С. Груздинская, вероятно, не ставила задачу определить типологию коммеморации, реализованной в отношении обсуждаемой личности. Но сам по себе данный коммеморационный сюжет весьма актуален в контексте совокупности рассмотренных автором проблем дисциплинарной истории историографии. В.С. Груздинская впервые выдвинула фигуру историка М.Н. Покровского как самостоятельный объект научной коммеморации.

Как показал последующий опыт восприятия фигуры М.Н. Покровского и его научной деятельности, усилия научного сообщества в закреплении памяти об историке не произвели ожидаемого его сторонниками эффекта. Вопрос о его месте в истории исторической науке остаётся, по нашему мнению, открытым до сих пор. Тот способ коммеморации, к которому прибегли власть и научное сообщество еще нуждается в смысловом уточнении характера предпринятой акции. Поэтому авторы отзыва полагают, что при условии наличия авторских акцентов относительно специфики и характера представленной коммеморативной практики это содействовало бы выдвижению отдельной проблемы типологизации опытов и практик коммемораций.

Можно особо подчеркнуть, что все исследуемые соискателем в 3-ей главе взаимосвязанные процессы в историко-историографическом знании зародились и набирали динамику в начале 1960-х гг. в условиях продолжавшейся «оттепели», что автор могла бы специально отметить. Данный общественно-политический момент, на наш взгляд, надо учитывать в попытках хронологизации рассмотренной в диссертации истории формирования историографии как научной дисциплины.

В ходе всего исследования автор работает в рамках антропологического подхода, акцентируя и анализируя деятельность представителей историко-научного сообщества и создавая, по сути, исторические портретные «зарисовки» активистов на поприще советской науки изучаемого ею времени. Несомненным лидером тогдашнего научного сообщества предстает М.В. Нечкина. Соискателю удалось глубоко проникнуть в источниковый комплекс, связанный с ее деятельностью, и открыть малоизвестные аспекты и факты, привнося в портретную характеристику известного историка новые детали и штрихи.

Но в совокупности со страниц диссертации вполне просматривается и коллективный портрет историков, работавших в научном пространстве историографии. Десятки имен ученых-историков, аналитические характеристики их многочисленных взглядов и исследований, несомненно, обогащают современную историю историографии. Подчеркнем также: автор на примере историографии предложила свой особый подход и метод изучения процессов формирования научных дисциплин. В его основе лежит скрупулезный анализ и незыблемый принцип акцентуации деятельности ученых, которые не только создают научные труды, но и формируют пространство своей деятельности, работают в поле структурирования институций, вступают в неофициальные коммуникативные союзы, и определяют характер научной памяти.

Диссертация написана хорошим литературным стилем, образным языком. Исследовательский материал структурирован в соответствии с логикой научного исследования, сюжетные линии выстроены в подвижной динамике происходящих событий и в соответствии с «драматургией» ситуативных историй. Процесс чтения диссертации в силу этого держит читающего в состоянии неспадающего интереса к

материалу исследования, наблюдениям, аналитическим процедурам и обобщениям автора.

Изучение В.С. Груздинской историографии как формирующейся научной области знаний вполне даёт основание полагать, что процесс дисциплинаризации историографии как отрасли науки определяется потребностями развития научного знания и осуществляется заинтересованными представителями научного сообщества. Вполне можно считать, что в диссертации на примере актуализируемой области знаний – историографии – автором представлена возможная модель изучения процесса формирования и других научных дисциплин исторической области знания.

Полагаем, что исследование «Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.» соответствует требованиям п. 9-11, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 21.04.2016), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор – Виктория Сергеевна Груздинская – достойна присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Отзыв составлен учеными Челябинского государственного университета – доктором исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история), профессором Наталией Николаевной Алеврас и кандидатом исторических наук (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования), доцентом Натальей Владимировной Гришиной, представляющими кафедру истории России и зарубежных стран. Отзыв обсужден итвержден на заседании кафедры: протокол № 3 от 23 декабря 2020 г.

Заведующий кафедрой истории
России и зарубежных стран,
доктор исторических наук, доцент

С.А. Баканов

Почтовый адрес:
ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет»
454001, РФ, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д.129
Телефон: 8 (351) 799-71-01; факс: 8 (351) 742-09-25
E-mail: odou@csu.ru
Официальный сайт в сети Интернет www.csu.ru